

ВЛАДИМИР
КОЛГАНОВ

ГЕРМАН

ИЛИ

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Владимир Алексеевич Колганов Герман, или Божий человек

*Текст предоставлен издательством
Герман, или Божий человек / Владимир Колганов.: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05084-7*

Аннотация

Эта книга рассказывает о династии писателей и кинорежиссеров. Юрий Павлович Герман – популярный в 30—60-х годах прошлого века драматург и романист. Алексей Юрьевич и Алексей Алексеевич Германы писали сценарии и снимали фильмы, которые привлекли внимание и кинокритиков, и зрителей, и членов жюри кинофестивалей.

Задача, которую поставил перед собой автор, – попытаться найти истоки творчества, понять психологию творца и объяснить, хотя бы для себя, почему столь разными путями шли к успеху Юрий Герман, его сын и внук. Если допустить, что все определяется только временем, эпохой, мы вряд ли что-нибудь поймем. И при советской власти, и в постперестроечной России писатели и кинорежиссеры создавали свои произведения, по-разному воспринимая события окружающей их жизни и воплощая замыслы в соответствии с собственным мировоззрением и представлением о том, что нужно читателю и кинозрителю. Так что без анализа биографии и родословной здесь не обойтись, впрочем, как и без рассказа о тех людях, которые окружали героев этой книги на протяжении их жизненного пути.

Содержание

Глава 1. Родословная	5
Глава 2. Вступление	13
Глава 3. Лапшин, Жмакин и другие	18
Глава 4. Я отвечаю за все	25
Глава 5. Дорогой мой человек	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Колганов

Герман, или Божий человек

© Колганов В.А., текст, 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Негг манн – говорят, что в переводе с немецкого языка это означает «Божий человек». Если так, то эта книга о трех поколениях «божьих людей». Об одном, замечательном советском писателе, уже основательно забыли. Другой, известный кинорежиссер, за свою жизнь сделал все, что смог, и тем заслужил признание немалого числа зрителей. Ну а у третьего, тоже кинорежиссера, полагаю, звездный час еще где-то впереди.

Прежде чем начать рассказ, приведу отрывок из статьи Алексея Германа, опубликованной в 1979 году:

«Украшать, приподнимать, романтизировать человека, по-моему, как-то неловко. Как стыдно бывает смотреть фильмы, рассказывающие о человеке в такой вот приукрашивающей манере, возникающей то ли на основе чистых заблуждений, то ли осознанной конъюнктуры. Человек заслуживает лучшего, большего. Его нужно постигать, не боясь в нем разочароваться».

Я попытаюсь следовать этому пожеланию Алексея Юрьевича.

От автора

Глава 1. Родословная

При анализе творчества любого художника невозможно обойтись без выяснения того, кто были его предки, каким занятиям посвятили свою жизнь, каковы были их взаимоотношения с властью, поскольку многое из того, что было им присуще, если и не передается по наследству, то вполне может повлиять на мировоззрение даровитого потомка. Поэтому прежде, чем приступить к жизнеописанию Юрия Павловича Германа, популярного в середине прошлого века писателя, расскажу о других представителях семьи, иными словами, попытаюсь составить родословную.

Начну с того, что сын Юрия Павловича, Алексей, говорил по поводу своих корней:

«Я, например, на четверть еврей, на три четверти русский. Я всегда говорю, что я еврей, потому что не хочу, чтобы мне подмигивали, вот это мне противно: ну да, ты устроился. У меня была прекрасная мама, и у меня был прекрасный отец. Прекрасная мама наполовину еврейка, и прекрасный отец чистый русский».

Помимо Алексея, у Юрия Павловича Германа был еще один сын, от другого брака – Михаил, ныне известный искусствовед, знаток французской живописи, профессор, главный специалист Русского музея, автор нескольких десятков монографий по искусству. У него свой собственный взгляд на происхождение отца. Вот что он пишет в книге «Сложное прошлое» о Юрии Германе:

«Согласно известным мне семейным преданиям, его отец, мой прадед, был подкидышем в еврейском местечке, где квартировал полк – стало быть, плод преступной любви пылкого солдата (а то и поручика, кто знает!) и доверчивой девы. Отсюда и данная младенцу фамилия «Герман» – Божий человек, и имя «Николай» в честь еще царствовавшего тогда Николая Павловича, и служба в кантонистах, и, несомненно, еврейские корни во мне».

Вообще-то довольно странная гипотеза о происхождении фамилии. Надо сказать, что Германов и в Лифляндии, и в Петербурге в те времена было немало. Неужто все были потомками подкидышей? Если исходить из того, что Герман – это «Божий человек», тогда следует принять во внимание и древнееврейское значение имени Иван (Йоханан), то есть «Божья милость». Вполне логично было бы называть подкидышей именно этим именем, однако к чему же мы в таком случае придем, ведь на Руси весьма распространены и имя Иван, и фамилия Иванов?

И все же Алексей Герман настаивал именно на этой версии своего происхождения:

«Подкидышем был мой прадед, который попал в семью русского генерала в Варшаве. Генерал, очевидно, был достойный человек. Воспитал его, отдал в кадетский корпус принца Ольденбургского. Но фамилию свою не дал, а записал ребенка Германом».

Это изложение все той же, принятой в семье легенды – как видим, ее горячим сторонником был Алексей Юрьевич. Но вот что пишет его единокровный брат в своих воспоминаниях о деде, Павле Николаевиче:

«Его происхождение окутано некоторыми даже мифами. Нынче о нем где-то сказали или написали, что он был аж «царским офицером», внебрачным генеральским сыном, кадетом, что звучит чуть ли не отзвуком «Белой гвардии». Он действительно в Первую мировую войну вышел в штабс-капитаны, но ни красным, ни белым особенно не служил и потом всю жизнь тихо работал счетоводом».

Что ж, каждый член семьи может иметь собственное мнение по столь щепетильному вопросу. Можно ли это запретить? Наверное, нет, однако хотелось бы докопаться здесь до истины, а там и поглядим, был ли во всем этом какой-то смысл.

Теперь обратимся к воспоминаниям Михаила Юрьевича о бабушке по отцу, Надежде Константиновне Игнатъевой:

«Она из обедневшей барской семьи Игнатъевых, едва уловимо связанной чрезвычайно дальним родством с той действительно аристократической ветвью, откуда произошел известный дипломат и писатель Алексей Алексеевич Игнатъев – автор модной в свое время книги «Пятьдесят лет в строю».

Эта неуловимая связь тоже вызывает подозрения. Если исходить из того, что первыми людьми на Земле стали небезызвестные Адам и Ева, то все мы как-то связаны, вот только связь эту вряд ли можно проследить. И все же то и дело приходится встречать утверждение, будто бабка Алексея Германа, Надежда Константиновна, была дочерью генерала царской армии. Увы, как я ни старался, Константина Игнатъева среди русских генералов не нашел. Зато обнаружил двух подпоручиков и вместе с ними капитана.

Знакомство Павла Николаевича Германа с будущей супругой, Надеждой Константиновной, произошло в ту пору, когда он в звании подпоручика служил младшим офицером 5-й роты 116-го пехотного Малоярославского полка, квартировавшего в губернском центре Лифляндии, в Риге. Как удалось выяснить, в том же полку числился и подпоручик Дмитрий Константинович Игнатъев – он-то, по-видимому, и познакомил свою сестру с Павлом Германом. В начале XIX века отец Дмитрия Константиновича служил там же, в Риге, в 177-м пехотном Изборском полку – в 1900 году поручик Константин Николаевич Игнатъев был делопроизводителем полкового суда, через несколько лет получил звание капитана и, вероятно, в звании штабс-капитана вышел в отставку. Павел Николаевич Герман в январе 1913 года также снял погоны: «согласно собственному желанию зачислен в запас армейской пехоты по Рижскому округу». До самого начала Первой мировой войны служил он столоначальником Казенной палаты в Риге, имея чин коллежского секретаря. Весьма незавидная судьба для сына генерала, если верить семейному преданию. А ведь, рассказывая об отце, Алексей Юрьевич Герман утверждал: «Он же из офицерской семьи, дед его – генерал». Правда, в другом интервью было сказано несколько иначе:

«Мой папа, кстати, тоже дворянского происхождения... просто отец его был военным, дед был подполковником».

Однако и с «подполковником» не все было понятно. Вот что Алексей Герман говорил еще в одном интервью:

«Я не знаю, был дед полковником или генералом. По данным отца – генералом. По данным его двоюродного брата, хорошего французского художника Константина Клюге, полковником. Он был начальником воинской губернии Кемь. Мы пытались туда съездить, что-то раскопать, но там ничего не осталось».

Возможно, дело в том, что отправились не по тому адресу, поскольку никакой воинской губернии Кемь в природе не существовало. На самом деле капитан Константин Николаевич Игнатъев был начальником местной воинской команды Кемского уезда Архангельской губернии. Одновременно он являлся членом правления и делопроизводителем местного комитета, а также уполномоченным городского собрания, в которое входили исключительно мещане. Из этого можно сделать вывод, что мать Алексея Германа никакого отношения к дворянскому роду Игнатъевых не имела.

Но вот опять в одном из интервью Алексея Германа встречаем утверждение:

«Мой прадед в одиннадцать лет крестился, а в старости стал генералом, действительным статским советником и служил в Святейшем синоде».

Увы, о каком прадеде шла речь и как ему удалось одновременно быть генералом и действительным статским советником, это так и осталось тайной за семью печатями. Видимо, все дело в том, что соблазн отыскать в своей родословной какую-нибудь важную персону весьма распространен – кто-то считает своим предком князя, кто-то гордится прадедом, который был избран предводителем уездного дворянства. Ну вот и Алексея Юрьевича это увлечение не миновало.

Если же речь зашла о версиях, то наиболее правдоподобной мне кажется такая. Среди жителей Риги накануне Первой мировой войны числился ветеринарный врач Николай Иоаннович Герман. Скорее всего, отец его был Иоганн или Йоханан, а сын переименовал отчество на более приемлемое, как ему казалось. Так вот, Николай Герман вполне мог оказаться отцом Павла Николаевича и прадедом Алексея Юрьевича. Кстати, не отсюда ли любовь Юрия Павловича Германа к врачам, нашедшая воплощение в его книгах? Что же касается происхождения фамилии, то и здесь возможны варианты. Скажем, историк Потто, рассказывая о Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, много восторженных слов посвятил Ивану Ивановичу Герману. Но вот что он пишет:

«Генерал-майор Герман, собственно Герман фон Ферзен, был родом саксонец, но носил русское имя Ивана Ивановича и по своему уму, привычкам и образу жизни был чисто русский человек. Как выдающийся по своим способностям офицер, он еще подпоручиком был назначен в Генеральный штаб, и после первой турецкой войны, давшей ему случай отличиться, на него возложены были важные по тому времени поручения...»

О поручениях здесь рассказывать не буду, только замечу, что генерал Герман стал героем Русско-турецкой войны.

К сожалению, проследить родственную связь героев этой книги с Иваном Ивановичем мне не удалось, а потому обращу ваше внимание на следующий любопытный факт. В дореволюционном Петербурге жил еще один Павел Николаевич Герман, помимо того, что находился в Риге. Этот Герман имел чин гвардии полковника и служил в Главном артиллерийском управлении. Можно было бы не обращать внимания на это совпадение, но дело в том, что у полковника был сын – Юрий Павлович Герман, собственной персоной! Конечно, хотелось бы провести некую параллель между двумя полными тезками и однофамильцами, однако в 1921 году капитан-артиллерист Юрий Герман трагически погиб. В то время он по заданию штаба Северо-Западной армии белых был заслан с разведывательными целями в Петроград, но выдан предателем и застрелен при попытке ареста. Добавлю, что в императорской армии служили еще и Константин Николаевич, и Юрий Николаевич Германы. Не исключено, что популярность фамилии Герман среди царских офицеров стала косвенной причиной появления семейного предания о деде-генерале.

Прежде чем продолжить рассказ о династии Германов, писателей и кинорежиссеров, упомяну еще об одной ветви их родословной. В том же 116-м Малоярославском пехотном полку, где служили Павел Герман и Дмитрий Игнатъев, до 1910 года числился подпоручик Константин Иванович Клуге, один из шести сыновей выходца из Пруссии купца второй гильдии Иоганна-Христиана Клуге, совладельца фирмы по торговле бессарабскими винами «Шеффер и Фосс». Следуя примеру своего товарища, Константин Клуге женился на другой сестре Дмитрия Игнатьева, Любви Константиновне – видимо, обе сестры-близняшки были довольно привлекательны. В 1917 году капитан Клуге закончил курсы Академии Генштаба, а затем воевал в армии Колчака, дослужившись до полковника. Позже вместе с семьей он перебрался в Харбин. Один из сыновей Клуге, тоже Константин, стал известным художни-

ком и жил в Париже, другой обосновался в Штатах и со временем разбогател. Вот с этим представителем семейства Клуге, Михаилом Константиновичем, связана весьма интересная и поучительная история.

Есть на острове Антигуа, что принадлежит к группе Малых Антильских островов в Карибском море, красивейшее место – Half Moon Bay, что в переводе означает бухта Полумесяца. В 1971 году Михаил Клуге вместе с двумя американскими партнерами основал фирму Half Moon Bay Holdings Limited, которая должна была превратить побережье этого залива в место отдыха для богатой публики из Европы и Америки. Одним из партнеров Клуге стал Пол Меллон, сын владельца Банка Меллона, обладатель многомиллионного состояния, а кроме того – известный коллекционер, филантроп и любитель скаковых лошадей. За два года фирмой НМВ был реконструирован отель, построены девять полей для гольфа, бассейн, теннисные корты, и вскоре в бухту Полумесяца потянулись знатные и весьма богатые гости. Курорт стал флагманом антигуанского туристического бизнеса. Здесь побывали Одри Хепберн, Элтон Джон, Бьерн Ульвеус из группы «АББА», писатель Джон Ле Карре и даже бывший советский шахматист Борис Спасский.

Фирма, а вместе с ней и Михаил Клуге, процветала почти двадцать лет, но постепенно начались проблемы. Сначала ее покинули партнеры, а в сентябре 1995 года на остров Антигуа обрушился тропический ураган «Луис», разрушивший пляжи и нанеший повреждения зданиям отеля. К этому времени Михаил Клуге отошел от дел, а фирмой руководила его жена Галина, позже ей на смену пришла дочь Наталия. Проблема была в том, где взять 12 миллионов долларов на восстановление отеля и выплату компенсации уволенным полутора сотням его работников – как выяснилось, местная фирма, с 1993 года осуществлявшая непосредственное управление отелем, не удосужилась застраховать имущество от подобной катастрофы. Была предпринята неудачная попытка избежать выплат весьма оригинальным способом: бывшая владелица фирмы Галина Клуге предъявила иск своей дочери, согласно которому НМВ должна была выплатить госпоже Клуге 14 миллионов долларов. Чего не сделаешь, чтобы спастись от разорения! Но время шло, владельцы отеля искали спонсоров для его восстановления, а правительство Антигуа и Барбуды из-за этого теряло около трех процентов доходов от туристического бизнеса.

Лакомый кусок в виде бухты Полумесяца привлек внимание техасского миллионера Аллена Стэнфорда, владельца компании, очень напоминавшей финансовую пирамиду, за что он через несколько лет и поплатился 110 годами тюрьмы и конфискацией имущества. Ну а пока правительство Антигуа и Барбуды, получившее выгодные займы от Стэнфорда в обмен на рыцарское звание, стало требовать от наследников Клуге продать отель по дешевке новоявленному рыцарю – видимо, тут присутствовал и личный интерес кое-кого из членов кабинета министров. Получив отказ, власти решили принудительно выкупить отель за небольшую сумму, что и было сделано – фактическая конфискация частной собственности произошла в 2001 году. Компании НМВ потребовалось несколько лет, чтобы добиться права на получение справедливой компенсации от властей Антигуа и Барбуды. Такое решение принял лондонский тайный совет, Her Majesty Most Honorable Privy Council, который формально является совещательным органом при королеве – к счастью для семейства Клуге, Антигуа и Барбуда входят в состав Британского Содружества. И вот с 2007 года до самого последнего времени один за другим шли судебные процессы, на которых владельцы НМВ требовали выплаты компенсации, которая с учетом процентов доходила почти до 70 миллионов долларов.

17 октября 2013 года дочь Михаила Клуге направила письмо редактору Daily Observer с тем, чтобы еще раз привлечь внимание американской общественности к этому делу:

«8 марта 2013 года Высокий суд вынес решение, обязательное для суда низшей инстанции, согласно которому министр финансов Антигуа и Барбуды должен был отдать распо-

ряжение для оплаты полной суммы, недостающей на счете НМВ Holdings Limited. Впоследствии, в апреле, мае и июле, наши поверенные направляли министру финансов и генеральному прокурору письма с просьбой сообщить, когда решение суда будет выполнено. Ни одного ответа ни на одно из наших писем мы не получили. 25 июля 2013 года мы обратились в Высокий суд с тем, чтобы он установил дату исполнения своего решения о выплате компенсации НМВ. Слушание по этому вопросу было назначено на 3 октября...»

Далее в письме речь идет о том, что министр финансов Антигуа и Барбуды под присягой сделал заявление, будто требуемые платежные документы уже оформлены и деньги скоро будут перечислены на счет НМВ, что стало поводом для отсрочки рассмотрения заявления истцов в суде до 14 ноября 2013 года. Письмо в редакцию завершается словами:

«Ясно, что постановления суда были нарушены, что министр финансов неоднократно лжесвидетельствовал и что имеет место явное игнорирование решений суда и проявление непочтительности к закону со стороны всех представителей правительства Антигуа и Барбуды, вовлеченных в это дело. Если оплата не будет полностью произведена к 22 октября, мы будем искать другие юридические пути для выполнения решения суда».

К этому следует добавить, что в некоторых газетных публикациях эта затянувшаяся тяжба квалифицировалась как проявление дискриминации со стороны правительства Антигуа и Барбуды по отношению к белой женщине. Вот даже до чего дошло! Увы, очень похоже, что время благоденствия для семейства Клуге миновало безвозвратно, а либеральная экономика и независимый суд далеко не всегда соответствуют тем принципам, в незыблемости которых нас неоднократно заверяли.

Замечу, что столь подробный рассказ о финансовых неурядицах в семействе Клуге приведен здесь только потому, что еще не раз в этой книге придется упомянуть богатого дядюшку из Соединенных Штатов.

Однако оставим наследников Михаила Клуге и обратимся к биографии Юрия Павловича Германа. В качестве его первой жены обычно называют Людмилу Владимировну Рейслер. Михаил Герман так пишет о своем деде:

«Владимир Павлович Рейслер родом из мелкого служилого остзейского дворянства, натурализовавшегося в Петербурге, кажется, при Анне Иоанновне».

Действительно, Рейслеры проживали в Петербурге еще в XVIII веке. Известно, что один из Рейслеров, браковщик Петербургского порта, в 1799 году владел двумя домами на 2-й линии Васильевского острова. В одном из этих домов, на углу Малого проспекта и 2-й линии, жил позже и Владимир Павлович с семьей и престарелыми родителями, Павлом Ивановичем и Юлией Самуиловной.

Продолжу цитату из воспоминаний Михаила Юрьевича:

«Инженер-путеец... он был монархистом, но Николая II, как большинство здравомыслящих профессионалов, не любил... Перед революцией дед стал уже начальником, кажется, Московско-Курской дороги, тайным советником с двумя звездами, ждал «действительного тайного» и «Александра Невского». Вместо этого случилась Февральская революция, и ему предложили место товарища министра путей сообщения во Временном правительстве. Он решительно отказался: «Я присягал государю императору»... Его посадили. А большевики выпустили как жертву Временного правительства».

Тут требуется некоторое уточнение. В годы войны Владимир Павлович служил начальником и Московско-Курской, и Нижегородской, и Муромской дорог, затем получил звание действительного статского советника и был назначен помощником начальника Управления

железных дорог, а в марте 1917 года – заместителем начальника этого Управления. В сентябре того же года он стал начальником административного управления железных дорог и членом Совета министра путей сообщения. Так что его конфронтация с Временным правительством ничем не подтверждается. Лишь после Октябрьского переворота, уже в декабре 1917 года, приказом министра Елизарова он был освобожден от должности «за нежелание нести служебные обязанности и вступить в сношение с должностными лицами, назначаемыми Советом Народных Комиссаров, что лишает возможности наладить правильную работу в министерстве». Однако с приходом в МПС Феликса Дзержинского в 1921 году на работу в министерство вновь были возвращены профессионалы из «бывших», в том числе и Владимир Павлович, назначенный начальником Петроградского округа путей сообщения.

Юрий Павлович с Людмилой Владимировной после женитьбы жили в одной квартире с тестем. Об этом рассказывает их сын, Михаил:

«Летом 1935 года отец получил квартиру в так называемой писательской надстройке – на канале Грибоедова... три крохотные комнаты, кухня без окон. До этого родители и я жили в одной комнате на Васильевском, в доме, что на углу Малого и 2-й линии».

Кстати, в доме на канале Грибоедова к 1935 году получили квартиры многие известные литераторы, скажем, Николай Заболоцкий, Евгений Шварц. Жил там и Михаил Зощенко, он занимал тогда самую большую, пятикомнатную квартиру, в то время как у Юрия Германа были всего «три крохотные комнаты, кухня без окон». А между тем у Зощенко и у Германа было нечто общее. Михаил Михайлович, как и Юрий Павлович, был потомком переселенцев из Европы. Прапрадед Михаила Зощенко перебрался на Украину в конце XVIII века, был он по профессии архитектором, зодчим. Отсюда и вновь обретенная им фамилия – Зодченко, плавно перешедшая со временем в Зощенко.

Но возвратимся к семейству Рейслер. Интересная история связана с отцом Владимира Павловича – Павлом Ивановичем Рейслером. Оказывается, он был близким другом художника Павла Федотова. В конце своей недолгой жизни Федотов страдал психическим заболеванием. Вызвано это было, скорее всего, переутомлением, поскольку художник работал не щадя себя, только бы выбраться из бедности. Так вот, титулярный советник Рейслер помог ему устроиться на лечение в частную психиатрическую лечебницу на Песках, уплатив 160 рублей за два месяца вперед. Позже царь по просьбе друзей и коллег художника выделил 450 рублей для того, чтобы поместить Федотова в больницу Всех Скорбящих на Петергофском шоссе, где Федотов вскоре умер. Кстати, 160 рублей Рейслеру были возвращены. Надо заметить, что сумма эта была по тем временам немалая для мелкого служащего. Откуда же взялись у него такие деньги?

Чтобы разобраться в этом, обратимся к письму Федора Михайловича Достоевского, написанному им своему другу Павлу Исаеву в октябре 1867 года:

«Что ж они меня мучают, не дают мне работать? Например, эта шельма Рейслер – которой я заплатил более 400 р. чистых денег, она должна бы это понимать. Ведь если б я не переписал братнин вексель, то и до сих пор ни копейки бы не получила. Теперь я должен ей 100 р., кажется, которые уж сам взял. Так ведь она готова на меня всю подноготную поднять... Ради бога, Паша, не говори никому мой адрес никогда... Тебе я всегда мой адрес скажу, но никому, никому не говори, не то что кредитору, а просто никому. А чтоб кончить с Рейслер, то если увидишь ее, скажи ей, что ее деньги верны и что я разом ей заплачу, а проценты так и очень скоро».

Здесь речь идет о кредиторше Достоевского А. И. Рейслер, которой писатель должен был по векселям уплатить «капитал и проценты», долги покойного брата. Если предположить, что это сестра Павла Ивановича, тогда можно понять, откуда у него взялись деньги на

лечение Федотова. Впрочем, он мог воспользоваться и теми деньгами, что ему достались от отца. Кстати, эта Рейслер являлась прототипом «иностранки и сверх того мелкой процентщицы» Ресслих из романа «Преступление и наказание».

Однако вернемся к биографии Юрия Германа. В 1936 году он расстался с Людмилой Владимировной Рейслер и женился на Татьяне Александровне Риттенберг. Ее отец Александр Владимирович, присяжный поверенный и присяжный стряпчий, накануне Первой мировой войны имел звание надворного советника. Семейство Риттенберг владело в начале прошлого века в Петербурге компанией по продаже сукна, обуви и мануфактуры. Основали компанию Владимир Азриелевич (Израилевич) Риттенберг и его брат Аарон. В предреволюционные годы суконным делом занимался Аркадий Александрович Риттенберг, прочие же братья Татьяны Александровны выбрали иные, менее доходные занятия – один был доктором медицины, другой работал адвокатом, третий стал аптекарем. А вот Сергей Александрович, в семье его почему-то называли Гуля, бывший учитель словесности, в 1920 году решил присоединиться к армии Врангеля, но к тому времени, когда он добрался до Крыма, войска барона уже потерпели поражение. Пришлось эвакуироваться вместе с войсками – так объяснял причины эмиграции своего дяди Алексей Герман. Оказавшись в Финляндии, Гуля занялся литературной критикой, став вдохновителем создания литературно-художественного кружка в Выборге, преподавал на кафедре славистики Стокгольмского университета.

Побывала в эмиграции и Татьяна Риттенберг, однако в начале 20-х годов она вернулась. Вот что рассказывал об этом возвращении Алексей Герман:

«После этого, чтобы устроиться в медицинском институте, мама бешено стала устраиваться еврейкой – евреев тогда брали, а русских нет. Доказать было трудно, и помогла взятка».

Чудны дела твои, Господи! Можно ли было позже, в 30—60-х годах, представить себе, чтобы за подтверждение еврейского происхождения давали взятку? Столь же трудно поверить и в то, что только «евреев тогда брали». Однако вот именно это утверждение Алексея Германа не могу поставить под сомнение – не все же мне его опровергать.

Жена Александра Владимировича Риттенберга, Юлия Гавриловна Тиктина, была дочерью действительного статского советника Гаврилы Андреевича Тиктина, такого же присяжного поверенного и присяжного стряпчего, как и ее будущий муж, но повыше рангом. Так что теперь с уверенностью можно утверждать, что в роду Алексея Германа действительно был важный чиновник, хотя и не генерал. Впрочем, действительных статских советников иногда называли штатскими генералами, хотя большинство из них даже не носило эполет – этот знак отличия полагался лишь чиновникам военных ведомств, например военным медикам или же ветеринарам.

Довольно любопытно происхождение фамилии Тиктин – так на иврите назывался городок Тыкоцин в Польше, значительную часть населения которого составляли евреи. После присоединения Польши к России те из них, что рассчитывали сделать карьеру, избавились от еврейских фамилий и стали называть себя по имени городка, откуда были родом. Так появились Тиктины, Тиктинские и Тиктинеры. Точно так же фамилию Герман могли взять себе выходцы с территории Германии.

Но вернемся к Тиктиным, их было в России довольно много. Скажем, в состав совета присяжных славного города Одессы входили сразу несколько представителей этой фамилии: Исаак Германович, Марк Самуилович, Николай Исаакович и Самуил Германович. Еще один известный мне Тиктин, Александр Григорьевич, был сыном аптекаря, Григория (Гиршома) Осиповича (Иосифовича) Тиктина из города Новозыбкова, что на Украине. Выучившись на инженера-механика, он работал в Петербурге, на заводе, производившим аэропланы. Я решился рассказать о нем, несмотря на то что родственную связь с Гаврилой Андреевичем

Тиктиным проследить не удалось – еврейские имена часто заменяли на русские. Скажем, Юлия Самуиловна, бабушка Михаила Германа, превратилась в Юлию Степановну. А причина моего интереса к Александру Тиктину в том, что очень примечательна судьба его сына – Сергей Александрович стал физиком, работал в знаменитом харьковском Физико-техническом институте, где начинал свою блестящую карьеру Лев Ландау. Увы, что-то у Сергея Александровича на Украине не сложилось. Сменив несколько мест работы, в конце 70-х годов он эмигрировал, работал в Израильском Технионе, но стал знаменит совсем не в этой области. Совместно со своей женой, Дорой Моисеевной Штурман, довольно известной в прошлом диссиденткой, тоже харьковчанкой, он стал издавать книги, посвященные критике политического устройства Советского Союза. Особенно популярной была выпущенная в 1985 году в Лондоне книга «Советский Союз в зеркале политического анекдота».

Какие же выводы можно сделать, изучив эту родословную, составленную на основе тех немногих сведений, которые удалось узнать? Даже при всем при том, что генералов среди предков Юрия Германа не нашлось, надо признать, что женился он удачно, причем как в первый, так и во второй раз. Конечно, это если не считать самого первого опыта супружеской жизни, но его не стоило бы воспринимать всерьез, а потому расскажу о нем чуть позже. Что же касается отца Людмилы Рейслер и деда Татьяны Риттенберг, то их чины вполне укладываются в привычную, даже обязательную схему. И отчего только у писателей такое желание быть поближе к высшей знати? Вот и Михаил Булгаков первую жену подыскал в семействе действительного статского советника, я уж не говорю о его увлечении княгиней.

Глава 2. Вступление

Покончив с родословной, обратимся к биографии первого из представителей рода Германов, которым посвящена эта книга. Здесь, как и в других главах, я использовал рассказы Алексея Юрьевича Германа о своей жизни и семье, за что благодарен его интервьюерам.

Вот что известно из воспоминаний Юрия Павловича Германа:

«Я родился 4 апреля 1910 года в Риге. Отец в ту пору был поручиком расквартированного там Малоярославского полка, мать преподавала русский язык в гимназии. В 1914 году отец поехал на фронт, мать вслед за ним отправилась сестрой милосердия, и меня они взяли с собой. Всю войну пространствовал я мальчишкой – то с батареей, то с госпиталем матери».

После войны скитания семьи продолжались – Павел Николаевич работал фининспектором в Обояни, Льгове, Дмитриеве, Курске, и вместе с ним семья кочевала по просторам Курской губернии. Возможно, эта кочевая жизнь, постоянная смена впечатлений, встречи с новыми людьми и пробудили в его сыне желание изложить свои чувства и мысли на бумаге.

Писать Юрий Герман начал еще в школьные годы – первый его рассказ «Варька» был напечатан в газете «Курская правда», – потом увлекся театром, затем решил, что ему вполне по силам написать роман. Речь в первом произведении будущего писателя шла о том, что Герман вроде бы хорошо знал, – «о маленьком городке в период нэпа, о комсомольцах той поры, о горячих и чистых сердцах».

«На моем первом произведении отразились все мои книжные увлечения тех лет: в детстве я зачитывался Конан Дойлем и Кипплингом, писателями действия, писателями мускулистой прозы, сюжетной, азартной... В результате получилась книжка взъерошенная и до смешного наивная».

Роман «Рафаэль из парикмахерской» был написан за три месяца и отослан в издательство, в Москву. Позже роман опубликовали, однако никаких восторгов по этому поводу уже не было – Юрий Павлович впоследствии признавал, что явно поспешил. Тема для того времени была актуальная – борьба комсомольцев с погрязшими в нэпе обывателями, – но это еще трудно было назвать литературой.

А вот что рассказывал о занятиях отца в те годы Алексей Герман:

«Папа рано стал самостоятельным, в 14 лет уже зарабатывал суфлером в театре, печатался в «Курской правде». А потом поехал поступать в Ленинград, в техникум сценических искусств. Но долго там не пробыл, пошел на завод, занимался в самодеятельном драмкружке. И писал рассказы и романы».

Кстати, именно в драмкружке Юрий Павлович познакомился с будущей женой, Людмилой Рейслер. Однако давний друг Германа, Лев Левин, в книге воспоминаний «Дни нашей жизни» пишет, что это была не первая жена:

«Сын его квартирной хозяйки, студент того самого техникума, где якобы учился и Герман, познакомил его со своей сокурсницей. Юрий влюбился с первого взгляда, а через несколько дней они поженились. Пришлось снять другую комнату, так как Герман жил в проходной. Денег катастрофически не хватало. Кто-то сказал, что в соседнем доме есть драматический кружок. Юрий взялся им руководить. До этого этим кружком руководила Людмила Владимировна Рейслер. Теперь она работала в другом месте, но связи с кружком не теряла, приходила участвовать в спектаклях. В январе 1930 года, познакомившись с Людмилой Владимировной, Герман понял, что любовь с первого взгляда, которую он питал к своей молодой

жене, уступает место другому, более сильному чувству. В марте 1930 года они поженились. Таким образом, к двадцати годам Юрий Герман оказался уже дважды женатым».

Замечу, что имени первой жены будущего писателя история не сохранила, да это и не важно, поскольку брак был недолгим и молодые супруги так и не успели обзавестись детьми. После женитьбы на Людмиле Юрий Герман со съемной квартиры переехал в квартиру Рейслеров на Малом проспекте. Само собой, непрестижную работу на заводе пришлось бросить, и по совету редактора журнала «Юный пролетарий», где напечатаны были рассказы Германа «Шкура» и «Сиваш», он стал работать в многотиражной газете при бумажной фабрике.

Во время работы в фабричной газете юный журналист набирался новых впечатлений. Так уж случилось, что судьба столкнула его с неким инженером. Словоохотливый немец много рассказывал Герману о своей жизни, о работе, о семье, оставшейся в Германии, и вот юный журналист решил написать еще один роман, на этот раз об иностранном специалисте, как тогда говорили – об инспеце. Роман «Вступление» был написан очень быстро и сразу же отдан Германом в печать. Видимо, сказалось нетерпение – уж очень хотелось стать известным писателем, да и хороший заработок не помешал бы. Роман напечатали, но реакция прессы была ужасной – роман назвали «вылазкой классового врага». Это и понятно, поскольку главный герой не принадлежал ни к пролетариям, ни к беднейшим слоям русского крестьянства. Вот состоял бы в партии большевиков, тогда другое дело, а тут вроде бы ни к селу ни к городу. Припомним, что аналогичные претензии предъявлялись автору «Собачьего сердца» и «Белой гвардии».

К счастью, Германа надоумили обратиться к Горькому, показать ему свое последнее творение. Случилось так, что молодой журналист чем-то приглянулся пролетарскому писателю. Однако Алексей Максимович высказал немало претензий к этому роману.

«Бранил его Горький немилосердно – за языковые неточности, за стремление к афористичности, за общие места и за «гладкие», «казалось бы, без сучка и задоринки, обтекаемые фразы», за «одел» там, где надо писать «надел», и за «надел» там, где надо писать «одел», и за очень, очень, очень многое другое».

В итоге Горький предложил Герману заново переписать роман и вместе с тем нашел возможность похвалить начинающего литератора. Уже гораздо позже, в начале 60-х, Юрий Павлович с благодарностью вспоминал об этих встречах:

«Автор этих строк – тогда еще совсем молодой литератор – имел честь и счастье бывать у А. М. Горького. Однажды я проговорился, что в кармане у меня – начало одной моей работы, шестнадцать страниц.

– Дайте! – велел Горький.

И здесь же прочитал. Читал он внимательно, вздыхал, сердился. Я видел – не нравилось. Потом минут двадцать Горький говорил мне о том, что плохо в этой работе. И вернул рукопись. Это возвращение рукописи было уроком на всю жизнь, это возвращение сыграло гораздо большую роль, нежели первое напечатание, оно было школой, целым университетом».

В то время пролетарский писатель в основном занимался тем, что пытался улучшить быт литераторов, помогал им, чем только мог, так что визит Германа к нему оказался очень кстати – Юрий Павлович, что называется, попал в струю. Думаю, не надо пояснять, что протекция, заступничество или рекомендация влиятельных людей играют огромную, если не решающую роль и в наше время. Писателей сейчас хоть пруд пруди, однако далеко не каждому удается покрасоваться на телеэкране: вот он я, прошу меня любить и жаловать!